

Отзыв официального оппонента о диссертации Г. А. Амановой «Художественная специфика традиционной литературы Кореи и опыт модернизации ее поэзии. Теоретические аспекты», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Присутствие корейской литературы в русском контексте парадоксально. Наиболее известна, неоднократно переводилась и издавалась, в том числе такими авторами/переводчиками как А. Ахматова, классическая корейская поэзия средневековья. Другие же эпохи и авторы, в том числе последних двух столетий известны плохо, если не сказать, вовсе неизвестны. В этом отношении корейская литература существенно отличается от географических соседей/конкурентов Китая и Японии. Некоторые японские и китайские писатели нового времени занимают существенное место в русском литературном пейзаже, а иногда становятся необычайно популярными.

Соответственно, и усилия немногочисленных специалистов-корееведов были сосредоточены на ранних периодах развития корейской литературы. Положение начало меняться лишь в последние десятилетия. Обсуждаемая работа вносит существенный вклад в этот процесс.

Диссертационное исследование Г. А. Амановой не просто превышает по объему стандартное исследование, претендующее на степень доктора филологических наук, но отличается структурной сложностью, многоэтажностью. Поле научного исследования существенно расширяется в разных направлениях.

Автор диссертации занимается проблемами истории классической и новой корейской поэзии (конец XIX – начало XX вв.), сопоставлением литератур Запада и Востока, спецификой филологической терминологии и ее национальной адаптацией, сравнительным анализом корейского и русского стиха, эстетической точностью переводов, их частичной атрибуцией, наконец, своеобразием индивидуального стиля, идиостилем А. Ахматовой и А. Жовтиса.

Широта обсуждаемых проблем, переосмысление традиционных жанров и стилей, возможности синтеза тех или иных элементов разных художественных систем делают предложенную диссертацию **актуальной**.

Новизна работы заключается, прежде всего, в подробном и многостороннем исследовании проблем корейской классической поэзии и ее переводов на русский язык, а также литературы конца XIX - середины XX вв. аспекте ее «европеизации».

Оставляя некоторые из проблем другим рецензентам, автор настоящего отзыва сосредоточился на вопросах терминологии и практической поэтики.

Что в этом аспекте удалось сделать Г. А. Амановой?

Во-первых, она проделала большую работу по выявлению и сопоставлению корейской и русской/европейской терминологии, имеющей отношение к истории литературы и поэтике. Огромный обзор в первой главе включает несколько сотен определений.

Во-вторых, подробно рассмотрено взаимоотношение прозы и поэзии в традиционной корейской литературе.

В-третьих, объективно представлены данные об использовании термина «реализм» в корейской – и вообще восточных – литературах.

В-четвертых, затронут и отчасти решен целый корпус проблем, связанных с переводами А. Ахматовой: вопрос о соавторстве Н. Харджиева и Л. Гумилева, представление переводов в семитомном Собрании

сочинений, сравнительный анализ ахматовских и других переводов, наконец, эстетическая оценка ее работы.

Итоговый вывод автора диссертации парадоксален, но убедителен: «Переводы А.А. Ахматовой при некоторых недостатках остаются образцовыми. Используя в основном русский классический стих, она ненавязчиво создает *ощущение* иноязычного, экзотического стиха. Это, конечно, художественная условность, но искусство вообще условно» (С. 329).

Далее может следовать не менее парадоксальное продолжение: «В переводе решающее значение имеет не знание языка, а масштаб собственного поэтического дара переводчика, могущего сквозь подстрочник ощутить и передать своеобразие оригинала». Поэтому и вольные переводы Б. Пастернака убеждают читателей и издателей больше, чем точные, буквальные решения других переводчиков.

В «ахматовской» части диссертации стоит особо отметить огромный, многосторонний стиховедческий анализ, который, безусловно, будет полезен не только специалистам по русско-корейским связям, но будущим исследователям и переводчикам.

Наконец, по разным поводам диссертантка много и интересно рассуждает о специфике не только структуры, но и мировоззрения, о различиях восточной и западной культур. Причем ее взгляд направлен именно так: с Востока на Запад.

Таким образом, поставленные перед собой задачи автором диссертации Г. А. Амановой, безусловно, выполнены.

Для удобства диссертантки наши вопросы и сомнения сведем к трем пунктам/положениям.

1. Проблемы терминологических соответствий, которые занимают автора в первой главе, возникают не только при сравнительно-историческом подходе, но и внутри одной национальной литературы разных

эпох. В «диалоге понятийных систем» (С. Аверинцев), о котором упоминает Г. А. Аманова, надо, на наш взгляд, различать исторические, а также индивидуально-авторские характеристики жанров и их *объективную структурную характеристику*. С современной точки зрения, «Повести Белкина» и «петербургская повесть» «Медный всадник» - не повести, «Мертвые души» - не поэма, а «Записки охотника», в зависимости от установки исследователя, могут быть квалифицированы то как очерки, то как рассказы.

Поэтому, к примеру, исторический жанр, который корейцы называли сосоль, объективно/научно не может быть одновременно коротким рассказом и романом, ибо структурные характеристики этих жанров противоположны. И хронотоп, образ пространства и времени, присущ эпическому роду, в том числе произведениям повествовательной корейской литературы, вне зависимости от того, используем ли мы восходящий к М.М. Бахтину термин или же какой-то иной.

К примеру, в начале второй главы диссертантка говорит о ранней китайской прозе: «Литературный род <...> не играл определяющей роли, собственно, и понятие о нем отсутствовало (С. 110). Однако описанная выше «средневековая проза «сяшо» (буквально – мелкие речения)», включающая «записи обычаев, поверий, слухов, рассказов, услышанных на дорогах и в глухих городских переулках» может быть охарактеризована не иначе как малый жанр/жанры именно эпического рода (в европейской традиции - анекдоты, легенды, былички, новеллы). Таким образом, понятие отсутствует, но литературный феномен объективно существует!

Конечно, это в меньшей степени касается таких терминов как «реализм» или «Возрождение», ибо они характеризуют не структуру произведения, а более абстрактные и идеологически нагруженные феномены. Именно поэтому, как отмечает диссертантка, термин *народность* отсутствует

в моей «Теории литературы», хотя без него, безусловно, нельзя обойтись в работах по истории литературы и литературной критике.

Соответственно, и в диссертации надо, кажется, более четко провести границу между структурными понятиями/терминами (санмунси - стихотворение в прозе, чанъси - поэма), встраивающимися в теорию литературы/поэтику, и ситуативными определениями, имеющими отношение, скорее, к социологии литературы, литературной критике или даже бытовому словоупотреблению (ипсэнси - «отборные стихи» или токчаси - стихи читателя)).

То есть материал представляет большие возможности для систематизации, чем это представлено в диссертации. Дополнительная сложность, однако, в том, что в систематизации нуждаются и русская/европейская поэтика.

2. Самой дискуссионной представляется короткая главка о поэме Ги Чхона Чо «Пектусан». «Если существование корейского реализма до XX в. как минимум крайне проблематично, то корейский поэтический эпос действительно был создан, но лишь в середине XX столетия» - утверждает автор в автореферате (С. 32). В самой диссертации произведение определяется как «эпическая поэма» (С. 197, 205).

Тезис вызывает удивление и особое внимание. Поэтический эпос – ведь не просто объективная, но *качественная* характеристика произведения. В европейской литературе эпическая поэма, *эпопея* исчезает в «эпоху пороха и свинца», то есть на рубеже средневековья и Возрождения. «Умчался век эпических поэм» - с иронией, но справедливо констатирует Лермонтов в начале «Сказки для детей» (1840). Эпическая (или лиро-эпическая) поэма как жанр в литературе нового времени принципиально отличается от эпопеи древних.

Если судить по пересказу и приведенным примерам, а также замечанию о «поэтических штампах», «Пектусан» (как, скажем, и «Россиаду»

М. Хераскова) точнее назвать псевдоэпосом. Приводимый автором диссертации дословный перевод жанрового определения («роман в стихотворном повествовании» - С 205) представляется здесь более точным.

3. Порядок слов в упоминании имен и фамилий корейских писателей и литературоведов не совпадает с принятым в русском языке. Скажем, автор диссертации отмечает «четыре написания имени крупнейшего поэта: Пак Ин Ро, Пак Ин Но, Пак Инно, Пак Илло». Но почему здесь - в тексте, а не в библиографическом описании - фамилия стоит на первом месте, а имя после него? Особенно забавно выглядит ситуация, когда в соседних абзацах автореферата (С. 9) упоминаются русскоязычные историки М.Н. Пак, В.П. Пака, Б. Д. Пак, но корейский - Пак Чхон Воль.

Автору данного отзыва уже приходилось полемизировать по этому поводу с переводчиками корейской литературы. На обложке и в выходных данных опубликованного в 2016 г. романа известной современной корейской писательницы также указано «Пак Вансо», хотя обложка с надписью Чехов Антон или Зощенко Михаил будет выглядеть умыслом и ли редакторским просмотром.

Для стороннего читателя фамилия и имя (которое тоже воспроизводится то одним, то двумя словами) путаются до неразличения. В ответ корееведы обычно ссылаются на традицию, которая не представляется продуктивной. Любопытно, что в английской транскрипции привычный порядок восстанавливается: Пак Чэ Чон (Che-chon Pak) (С. 28). Кажется, сложившуюся традицию в передаче корейских имен надо пересматривать или, по крайней мере, специально оговаривать в примечании.

Однако подведем окончательный итог.

Практическая ценность диссертации Г. А. Амановой несомненна. Полученные результаты могут быть использованы в теоретическом, конкретно-историческом и практическом плане: в дальнейшем исследовании

